

Пасс и передача психоанализа: от конца анализа к новым аналитическим формам¹

Габриэл Тупинамба — PhD, психоаналитик и философ, координатор исследовательской группы Сектор Теоретической Практики, руководитель направления социальной стратегии, институт Аламеда; 20030-012, Федеративная Республика Бразилия, г. Рио-де-Жанейро. E-mail: gabrieltupinamba@mac.com

ORCID: 0000-0003-3891-5655

Пер. с англ. Владислава Ростилова и Павла Одинцова

Ключевые слова: лакановский психоанализ, теория пасса, завершение анализа, аналитическое слушание, аналитический эгалитаризм

Автор предлагает новый подход к концептуализации лакановской теории пасса как механизма, связывающего завершение индивидуально-анализа, подготовку аналитиков и трансформацию аналитических институций. Автор формулирует три ключевых тезиса, согласно которым политическое измерение психоанализа определяется прежде всего режимами подготовки аналитиков и воспроизводства аналитической практики, а не только условиями доступа к анализу, и показывает, что изменение социального состава аналитических школ приводит к прямым эпистемологическим последствиям для самой теории. На материале современных клинических инициатив и теоретических дискуссий переосмысливаются классические лакановские категории — означающее, Другой, интерпретация, Реальное — в перспективе аналитического слушания; вводится понятие «аналитического эгалитаризма», подчеркивающее решающую роль распределения способности к аналитическому слушанию в клиническом пространстве. Пасс трактуется не как финальный акт авторизации аналитика, а как специфическая форма анализа, которая связывает сингулярные аналитические

---

¹ Перевод выполнен по изданию: Tupinambá G. The Pass of Psychoanalysis: From the End of Analysis to New Analytic Forms // *Penumbr(a)*. — No 4. — 2025. — Pp. 70–96. Публикуется с любезного разрешения автора.

траектории с коллективной задачей преобразования аналитического сообщества. В заключение обосновывается необходимость политического проекта, нацеленного на институциональные изменения в лакановском поле и создание новых аналитических форм.

В ЭТОМ ЭССЕ ПРЕДЛАГАЕТСЯ НОВЫЙ и, как представляется, продуктивный способ развития лакановской теории пасса. Это будут, по сути, предварительные замечания, нуждающиеся в дальнейшей разработке и обсуждении, однако их задача — обозначить альтернативный подход к вопросу конца анализа, — такого, в котором будут учтены некоторые из политических вопросов, поставленных перед лакановским психоанализом в последние годы — как внутри лакановского поля, так и извне; как в рамках клинически ориентированных инициативах, так и в контексте новых теоретических дискуссий.

Представленные в данной работе начальные рассуждения продолжают и развивают положения, изложенных в моей последней книге «Желание психоанализа. Опыт лакановского мышления»², заключительная глава которой посвящена «идее пасса». В этой главе предлагается альтернативное прочтение знаменитого текста Лакана «Предложение от 9 октября 1967 года»³, где впервые фигурирует цикл пасса. Исходя из основной гипотезы книги при условии, что она верна — а именно, что аналитический опыт основан на специфическом отношении к существованию психоанализа, разделяемом анализантом и аналитиком, — становится возможным реконструировать связь между завершением личного анализа (главная задача процедуры пасса) и теми трансформациями, которые это завершение влечет за собой для начала новых аналитических процессов. Такая реконструкция должна быть прочно укоренена в реальной психоаналитической практике и теории.

1. Три тезиса

После публикации книги «Желание психоанализа» мне удалось не только пересмотреть некоторые упущения и неточности в той формальной схеме, что я предпослал идее пасса⁴ — что более важно,

² Тупинамба Г. Желание психоанализа. Опыт лакановского мышления. — М.: Рипол-классик, 2023. — 448 с. — ISBN 978-5-386-14999-4.

³ Lacan J. *Autres Écrits*. — Paris: Éditions du Seuil, 2001. — 245 p. — ISBN 978-2020486477.

⁴ В связи с данной проблематикой заслуживает внимания текст Юань Яо «Generic Listening»,

благодаря книге мне также посчастливилось познакомиться с рядом клинических инициатив и политических дискуссий, которые в последние годы разворачиваются в поле лакановского психоанализа по всему миру. Если в момент написания книги она задумывалась как своего рода обращение к еще неопределенному кругу «новых адресатов»⁵ в рамках этого поля, то сегодня она все яснее видится частью уже существующего и растущего движения внутри психоанализа, в рамках которого по-настоящему разные и амбициозные группы психоаналитиков и политических активистов, разбросанные по всему миру, работают, чтобы переосмыслить, каким может быть психоанализ⁶. Поэтому наша задача сегодня состоит не столько в том, чтобы выяснить, дискуссиях или признать необходимость изменений в лакановских институтах и идеях — такой интерес, вне всякого сомнения, существует, — сколько в том, чтобы найти способы превратить эти разрозненные усилия в силу, действительно способную преобразовать и переориентировать лакановское поле.

В последние несколько лет скромной, но важной составляющей моего участия в этом кругу схожим образом мыслящих психоаналитиков была совместная (медленная, но уверенная) работа по созданию пока еще анонимной, группы «Coletiva Psicanalista Trabalha» («Коллектив работающих психоаналитиков»). В нее входят бразильские психоаналитики, которые принадлежат к самым разным школам, имеют разное образование и путь становления, придерживаются разных политических взглядов в рамках левого спектра, но при этом стремятся выработать общие стратегии воздействия на лаканистские

который на настоящий момент остается неопубликованным. Основные положения работы были представлены автором в рамках видеоконференции: Yao D., Pavón-Cuellar D., Tomšič S. Philosophy and Psychoanalytic Thinking II [видеозапись] / Emancipations with Daniel Tutt. — URL: www.youtube.com/live/hL995uVNSlw (дата обращения: 17.09.2025).

⁵ Тупинамба Г. Желание психоанализа. Опыт лакановского мышления. — М.: Рипол-классик, 2023. — ISBN 978-5-386-14999-4. — С. 21.

⁶ Привести я здесь полный список государственных и иных учреждений, предлагающих бесплатный или иной вид анализа, коллективов психоаналитиков, как самостоятельных, так и ассоциированных с политическими партиями, и, в целом, всех групп аналитиков и интеллектуалов, образующих это международное движение, он вышел бы слишком длинным. Оставляю здесь лишь благодарности моим ливанским товарищам из «Listening collective», «Red Clinic», «Coletivo Margem» (<https://www.instagram.com/margempsicanalise>*), «Margens Clínicas» (<https://margensclinicas.org>), «Perifanálise» (https://www.instagram.com/perifanalise_sao_mateus*) и «Escola Tamuя», которые в различных формах внесли вклад в формирование и артикуляцию обсуждаемых теоретических позиций.

* Деятельность Meta Platforms Inc. по реализации продуктов соцсетей Facebook и Instagram признана экстремистской и запрещена в РФ. — *Прим. редакции.*

организации и аналитическое сообщество в целом. Их цель — добиться материальных и действительно значимых изменений в области политики подготовки психоаналитиков и организации их труда в Бразилии. Хотя работа находится на раннем этапе и еще не окончена, часть представленных здесь предварительных заметок обязана своим появлением этим обсуждениям. Они основаны на предположении, что любая жизнеспособная политика в области психоанализа — как и в случае с любой другой практикой — должна иметь ощутимые последствия, прежде всего для развития самого психоаналитического мышления.

Прежде чем мы перейдем к теории пасса, необходимо прояснить, каким образом подобное политическое движение внутри лакановского психоанализа может служить ориентиром для новых теоретических разработок, носящих сугубо аналитический характер. Для начала кратко рассмотрим три основных тезиса или предпосылки, задающих рамки⁷ политической ориентации нашего небольшого коллектива:

1. Ключ к современному политическому измерению психоанализа — не в проблеме потребления услуг психоаналитиков, а в вопросе подготовки новых аналитиков, или, иначе говоря, в вопросе производства и воспроизводства психоаналитической практики.

Разумеется, это не означает, что не имеют значения вопросы демократизации доступа к психоаналитическим сессиям (в частности, посредством введения бесплатных услуг в государственных и других учреждениях), а также изменение доступа к психоаналитическим институциям посредством всесторонней критики элитизма в лакановской среде и возобновления диалога с феминистской, антиколониальной и марксистской мыслью. Однако опыт показывает, что расширение доступа к аналитической практике дает неоднозначные результаты: в руках существующих лакановских институций он может служить инструментом, позволяющим обойти структурные проблемы, не затрагивая их напрямую. Напротив, смещение фокуса на трансформацию способов подготовки психоаналитиков — а значит, и на изменение социального состава аналитических школ и организаций, — неизбежно приведет и к расширению доступа к анализу, но уже без той двусмысленности, которая сопровождает простую политику «доступности».

Из этого следует второй тезис, затрагивающий структурное изменение данной позиции:

⁷ Когда я говорю «задают рамки», я имею в виду, что они обсуждаются и не предполагают готового вида или всеобщего и полного согласия участников на свой счет.

2. Вопрос подготовки новых аналитиков является не только политической, но и эпистемологической проблемой, от решения которой зависит сохранение самого психоаналитического опыта.

Речь идет о том, что вопрос трансформации доступа к психоаналитическому обучению представляет собой не некую внешнюю политическую проблему, значимость которой будет варьироваться в зависимости от политических предпочтений психоаналитика. Под вопросом оказываются сами эпистемологические основания практики, поскольку такие ее параметры, как теоретическая валидность и клиническая эффективность, если подумать, также зависят от способности практики собирать гетерогенную массу аналитического опыта и клинических случаев, что, очевидно, едва ли возможно, если процессы обучения и подготовки психоаналитиков остаются без изменений.

Таким образом, мы имеем дело с необходимым, внутренним измерением аналитической процедуры: именно столкновение с контрпримером позволяет проверить универсальность теоретических построений, обновить их или найти пределы заключенных в них обобщений, а также указывает на необходимость обновления самого аналитического слушания.

И, наконец, третий тезис:

3. Проработка этих вопросов должна принимать форму не требования, адресованного предыдущим поколениям психоаналитиков и их институциям, а артикуляции новых проблем, которые ставятся перед самим аналитическим движением. Только так возможно сформировать организующую и теоретическую силу и переориентировать лакановское поле в новом направлении.

Таким образом, теоретические, клинические и политические тупики, порождающие потребность в преобразовании лакановского общества, не следует ограниченно понимать лишь как повод для критики идеологов и теоретиков существующего лакановского поля как его «представителей» — например, обвиняя их в «неправильном прочтении» Лакана. Подобный подход лишает нас возможность подойти к этим проблемам как к признакам нового желания внутри лакановского психоанализа, а именно — увидеть в них шанс для коллективного усилия по поиску собственных альтернативных решений для тупиков в области обучения, доступа и теоретической трансформации.

Вместо того, чтобы втягиваться в бесконечные споры, этому движению следует направить свои усилия на обращение к тем, кто уже сталкивается с трудностями и противоречиями внутри аналитического сообщества — то есть коллективно обратиться к ним исходя из признания наличия общих трудностей. Разумеется, ничто не мешает

любому состоявшемуся психоаналитику, университетской программе или аналитической институции осознать себя элементом этой общей среды, однако само по себе подобное признание уже указывает на перемену в отношениях власти между «старым» и «новым».

Если эффективность психоанализа действительно зависит от его способности изменяться, тогда именно те, кто лучше всего приспособился к нынешнему положению дел, отстают больше других. Не менее важно и то, что интерес подобной инициативы может быть связан только с *продолжением* психоанализа, нежели с критикой предшественников. Такой ракурс позволяет более непредвзято посмотреть на историю психоанализа — и лакановского психоанализа в частности, — чтобы извлечь из нее уроки для актуальных задач экспансии, интернационализации и институционального развития бесценного опыта, сохраненного и переданного нам предыдущими поколениями аналитиков.

Таковы три основных тезиса, определяющие контуры формирующейся коллективной полемики, в которой я принимаю непосредственное участие. От них я буду отправляться в дальнейшем рассуждении о теории пасса. Я предлагаю рассматривать эти тезисы как базовую рамку, — как перспективу, позволяющую по-новому пролить свет саму идею пасса и тем самым разобраться, что в этом небольшой лакановском изобретении представляется для нас ценным, а что — нет.

В конце концов, процедура пасса — это механизм, который связывает личный анализ с подготовкой новых аналитиков и через эту связь приводит к изменению социального состава аналитического сообщества, создавая непрерывную взаимозависимость между прохождением анализа и трансформацией лакановских институций. Чем разнообразнее пул анализантов, тем разнообразнее становится состав обучающих аналитиков — и, в конечном счете, тем разнообразнее среда, в которой случаи обсуждаются, проверяются на соответствие теоретическим предпосылкам, и в которой оценивается способность институций воспроизводить сам этот цикл.

Таким образом, сама идея пасса предполагает внутреннюю связь между личным анализом, подготовкой аналитиков и устройством аналитического сообщества — и то, как мы понимаем эту идею, напрямую влияет на то, как мы концептуализируем данную связь.

2. «Идеал» пасса

Сегодня, когда речь заходит об идее пасса — а на ее счет среди различных лакановских ориентаций по-прежнему ведутся споры —

ее обычно понимают в соответствии с рядом узнаваемых идеализированных параметров⁸. Прежде всего, пасс рассматривают в качестве процедуры, предполагающей жест, посредством которого индивид может пройти авторизацию, стать аналитиком и затем начать вести клиническую практику. В рамках данной идеализированной модели пасс служит порогом или пределом, оповещающим о том, что с этого момента анализант способен занять место психоаналитика.

Вместе с этим считается, что процедура пасса создает для аналитических школ и институций условия, которые позволяют им брать на себя ответственность за представление аналитиков. Довольно часто лаканистские школы рекомендуют аналитиков или размещают информацию о них на своих сайтах, тем самым подтверждая их статус как аналитиков, но лишь в тех случаях, когда те продемонстрируют доказательство прохождения некоторой значимой точки в своем анализе. Это может выражаться либо в частичном признании — например, при прохождении кандидатом промежуточного этапа, после чего

⁸ Литература, посвященная процедуре пасса, остается сравнительно ограниченной, за исключением работы Bruno P. La Passe. — Toulouse: Presses Universitaires du Mirail, 2003. — 214 р. В силу этого значительная часть обсуждений пасса разворачивается в пространстве преимущественно неформальных дебатов, доступ к которым зачастую осуществляется через участие в профессиональных мероприятиях и непосредственное взаимодействие с представителями лакановского поля. В качестве исходной точки целесообразно привести институциональное определение процедуры пасса, представленное на официальном сайте Всемирной ассоциации психоанализа (World Association of Psychoanalysis): «Процедура пасса — это устройство, концептуально неотъемлемое от самой концепции школы. Его предложил Лакан с целью исследовать конец анализа. По свидетельствам субъектов, завершивших свой анализ, проводится следствие, где они презентуют Школе свое желание, сообщая, что они приобрели по итогам этого опыта. Тщательно разработанная система собирает свидетельство «пассанта» через посредничество двух «пассеров», которые передают его жюри — Картелю пасса, занимающемуся оценкой. Если Картель пасса признает, что свидетельство соответствует цели анализа, он присваивает пассанту звание АЕ (аналитик Школы). В этом случае он должен публично свидетельствовать перед аналитическим сообществом и в течение трех лет преподавать на основе своего опыта». См.: La passe // World Association of Psychoanalysis [Web]. — URL: https://www.wapol.org/fr/las_escuelas/Template.asp?Archivo=el_pasc.html (дата обращения: 19.12.2025). Сходное описание процедуры можно обнаружить и в нормативных документах второй по численности лакановской организации — Школы психоанализа форумов лакановского поля [School of Psychoanalysis of the Forums of the Lacanian Field]: CIG. Règlement intérieur. — 2023. — PDF document. — [Electronic resource]. — URL: <https://www.champlacien.net/public/docu/1/CIG-ReglementInterieur-2023.03.pdf> (дата обращения: 19.12.2025). В португальскоязычном контексте заслуживает внимания этнографическое исследование Марии Каролины Араужу-Антониу — «Этика желания: этнографическое исследование образования психоаналитиков школ лакановского психоанализа» — доступной на португальском по ссылке: de Araujo A. M. C. A ética do desejo: estudo etnográfico da formação de psicanalistas em escolas lacanianas de psicanálise. — Florianópolis: Universidade Federal de Santa Catarina, 2015. — Doctorate thesis. — [Electronic resource]. — URL: <https://repositorio.ufscar.br/bitstream/handle/ufscar/7054/TeseMCAA.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 17.09.2025).

кандидат обычно становится *членом* школы, — либо же в полноценной процедурой пасса, которую некоторые школы требуют в качестве условия причисления к «*аналитикам школы*».

В конечном счете, за процедурой пасса, очевидно, признают критически важную часть завершения собственного аналитического пути — точку, с прохождением которой субъект может с уверенностью утверждать, что ему больше не требуется прорабатывать препятствия и тупики собственного сингулярного желания посредством отношений переноса с аналитиком.

Таким образом, мы имеем дело с тремя безусловно связанными, но различимыми измерениями: авторизацией, институциональной ответственностью и завершением анализа. Уже на первом уровне рассмотрения процедура пасса связывает, с одной стороны, траекторию анализанта, включая начало клинической практики, с другой — формирование аналитических институций и обретение принадлежности к ним.

Хотя подобное понимание процедуры пасса и позволяет представить взаимосвязь этих трех измерений, присущая ему высокая степень идеализации одновременно делает менее различимыми ряд ключевых аспектов психоанализа. В дальнейшем эта проблема будет служить исходной точкой для уточнения вопросов, которые она ставит перед психоанализом.

Во-первых, описанная выше концепция пасса маскирует то, от чего зависит и чем фактически поддерживается клиническая практика. Очевидно, что никто не дожидается пасса, чтобы начать работать клиницистом. Напротив, большинство аналитиков, уже ведущих самостоятельную практику, на протяжении многих лет продолжают оставаться в анализе. Следовательно, предположение о том, что процедура пасса опосредует переход от позиции анализанта к позиции аналитика, не подтверждается — по крайней мере, в том смысле, что она не фиксирует момент сочетания собственной авторизации и решения начать вести практику.

Во-вторых, эта идеализированная модель пасса — даже в тех случаях, когда процедура подразделяется на «вступительный пасс» (*entry pass*) и «полный пасс», — не позволяет увидеть то, каким образом социальные отношения формируют и трансформируют состав аналитических групп. Выстраивая цикл пасса в качестве преобладающей стратегии школ при определении тех, кто считается с достойным стать их участником, из вида упускается то, что процесс отбора на самом деле запускается значительно раньше: на этапе, когда под воздействием политических и экономических сил от возможности

полноценного анализа отсеиваются те, кому остается доступен лишь краткосрочный его вариант, а также в момент формирования в школах, на семинарах и в клинических учреждениях такой среды, где нежелательным участникам дают понять это с самого начала.

Как уже было обозначено в трех вышеприведенных тезисах, подобный социо-экономический отбор в итоге ставит под удар само эпистемологическое основание лакановской теории, равно как и саму процедуру пасса. В результате лишь немногие — причем преимущественно принадлежащие к одному и тому же социальному слою — оказываются в позиции, позволяющей свидетельствовать о собственной сингулярной аналитической траектории и находить подтверждение эффективности лакановского психоанализа в своей жизни. Возникает вопрос, в какой мере подобные свидетельства действительно указывают на фундаментальные основы лакановского мышления — например, на его приверженность представлению о существовании определенных субъективных структур и соответствующих препятствий, — или в какой мере они лишь послушно воспроизводят совокупность общих социальных практик, характерных для данной группы.

В данном рассуждении нет цели поставить под вопрос реальность этих свидетельств, однако при таком положении дел неизбежно возникает опасение о возможной «предвзятости подтверждения» (*«confirmation bias»*) — типичной ситуации, возникающей из-за искаженной социальной выборки.

Помимо этого, рассматриваемая нами идеализированная модель пасса несет в себе еще одну опасность. Она легко скрывает третий важный аспект психоанализа, который связан с границами нашего понимания самого аналитического процесса. Иначе говоря, она скрадывает то обстоятельство, что нам еще есть чему поучиться в психоанализе — вместе с нашими анализантами и благодаря им. Во многом мы до сих пор не знаем, на что способен психоанализ. И если считать, что именно процедура пасса обеспечивает переход от позиции анализанта к позиции аналитика и одновременно служит для институций способом снизить риски сотрудничества с новоприбывшими клиницистами, то неизбежно приходится признать следующее: за этим стоит заинтересованность в том, чтобы в качестве новых аналитиков признавались преимущественно те, кто не ставит под сомнение устоявшиеся представления о лакановском учении.

В такой ситуации едва ли можно ожидать появления каких-либо новых идей или постановки действительно насущных проблем в рамках семинаров и групповых обсуждений. В лучшем случае они будут

затронуты в форме клинической виньетки, представленной уже признанным в кругу аналитиком, либо же окажутся отнесены к сфере исключительно теоретических споров с теми, кто очевидным образом к данному полю не принадлежит.

Итак, хотя выше указаны некоторые недостатки обозначенного подхода к процедуре пасса, возникает вопрос: следует ли на этом основании признать данную конструкцию несостоятельной? Безусловно, нет. Скорее, следует признать, что и она является продуктом титанических усилий, необходимых для установления любой хоть сколько-нибудь устойчивой коллективной организации психоаналитиков — не говоря уже о целом ряде сообществ и групп по всему миру, — и все это в тех исторических условиях, что сложились за последние десятилетия.

Совокупность социальных, институциональных и практических проблем, которые определяют состояние лакановского поля сегодня, должна быть принята во внимание, если мы хотим прийти к какому-либо альтернативному решению. В этих условиях остается лишь попытаться найти новые способы осмысления аналитического опыта — такие, к которым гомеостаз, поддерживаемый процедурой пасса, располагал бы менее всего.

Если мы хотим уберечь лакановский психоанализ от краха, нам необходима форма мышления которая, напротив, настаивала бы на особой ценности всего того, что циклом пасса прежде исключалось. Как уже было сказано, основная трудность заключается не в критике того, что и без того выглядит проблематичным, а в том, чтобы понять, каким образом обеспечить дальнейшее существование психоанализа.

3. Пасс как форма анализа

В данной части исследуется альтернативный способ осмысления идеи пасса, который, возможно, позволит не только предложить еще одну стратегию соотнесения трех основных измерений аналитического опыта — анализа, обучения и сообщества, — но также, вероятно, прольет принципиально новый свет на все лакановское учение. Отправной точкой служит центральное лакановское положение о процедуре пасса, которое он поместил в центр механизма — а именно: «анализант есть аналитик»⁹.

⁹ Более детальный разбор этого механизма и идеи пасса можно найти здесь: Тупинамба Г. Желание психоанализа. Опыт лакановского мышления. — М.: Рипол-классик, 2023. — ISBN 978-5-386-14999-4. — С. 328–399.

Однако данное положение не следует понимать как описание линейного и постепенного процесса, где исходный аналитический путь приводит к собственной авторизации субъекта как аналитика. Напротив, рассмотрим его ретроспективно, как своего рода круговое высказывание или, в гегелевских терминах, как положительно-бесконечное суждение. Так мы сможем задаться вопросом *если возможен переход от анализанта к аналитику, тогда* что должно было иметь место до предполагаемого перехода от анализанта к аналитику. В таком случае что означает быть анализантом или аналитиком в целом? Если для Лакана конец анализа так или иначе связан с *развитием способности к аналитическому слушанию*, то и *всю процедуру* анализа можно помыслить как процесс высвобождения и проработки именно этой способности и связанной с ней перспективы. И если переход от анализанта к аналитику связан также с переходом — в рамках клинических позиций — от позиции говорящего к позиции слушающего, тогда возвращение на уровень лакановской теории, а также к описаниям облика данной практики, произведенным с учетом вопроса слушания, становится возможным реконструировать эти структуры так, чтобы слушание вновь заняло в них центральное место.

Давайте вкратце попытаемся представить, как изменилась бы лакановская теория, если бы в ней проблеме слушания заново была отведена главенствующая роль. Иначе говоря, какие трансформации претерпела бы теория, если бы процедура пасса была *обобщена* и использована в качестве основоположения для теории аналитической процедуры в целом? Подобный акцент не обязательно дает ключ к прочтению трудов самого Лакана, поскольку они написаны исходя из представления о центральной функции речи и говорящих существ, однако позволяет по-новому взглянуть на *реальную аналитическую практику*, происходящую из его идей. Далее именно с этой перспективы будут рассмотрены некоторые классические лакановские концепты.

3.1. Означающее

Логичнее всего начать с означающего. Несмотря на то, что структурная лингвистика, бесспорно, оказала влияние на лакановское исследование речи в анализе¹⁰, из виду часто упускают то, что в действительности определяет центральное место речевого материала в психоанализе, — а именно, саму возможность слушания.

¹⁰ Более подробная критика эффектов неправомерного расширения применения лингвистической модели означающего у Лакана представлена там же, с. 59–117.

Достаточно обратиться к знаменитому фрейдовскому «Наброску одной психологии»¹¹, чтобы в этом убедиться. В этом тексте Фрейд утверждает, что речь выполняет особую функцию относительно психического аппарата, поскольку именно посредством речи *мыслительные ассоциации получают возможность войти во внешнюю реальность и затем быть зафиксированными в качестве воспринятых ассоциаций*. Когда человек слушает сам себя, «более слабые» ассоциации между представлениями превращаются в более сильные связи, и в итоге формируют наши воспоминания-ассоциации, относящиеся к положению вещей. Такой процесс конкретизации, заимствующий у реальности силу физических законов, направляющих звук, делает мыслительные ассоциации доступными для восприятия, — а следовательно и записи, — и в то же время подчиняет смысл колебаниям материальной случайности, таким как оговорки, ошибочные произношения, аллитерации и т. д.

С этой точки зрения означаемое предстает продуктом весьма базового (*very fundamental*) уровня слушания: когда мы говорим что-то, сам по себе факт высказывания еще не образует означаемого. Его недостаточно для того, чтобы возникло это неустойчивое соединение репрезентации и случайности, которое требует дальнейшего развертывания означивания. Если бы материально произнесенное не представало перед нами *в виде фрагментов*, воспринимаемых слухом, — то есть в качестве входных данных системы восприятия, — речь не могла бы выполнять свою структурирующую функцию по отношению к психическому аппарату. Именно слушание кодифицирует произнесенное как элементы речи, фактически замыкая цепь между репрезентацией и репрезентируемым. Тем самым оно открывает путь для двусмысленностей и трансформаций в ассоциативной цепочке. В конечном счете именно слушание создает условия самой возможности того, чтобы психоанализ мог быть действенным.

По той же причине разумнее оценивать как трансформации в ходе анализа, так и эффекты клинического вмешательства, исходя из того, насколько анализант способен слушать — то есть воспринимать *свою мир-размерность*¹², — а не из того, что и в каком виде он способен о себе

¹¹ Фрейд З. Проект научной психологии // Фрейд З. Психология бессознательного. — М.: Просвещение, 1990. — 448 с. — ISBN 5090037876.

¹² Оценка разных миров в их «размерности» представляет собой непростую задачу, особенно если исходить из наиболее разработанной версии концептуализации миров, предложенной Аленом Бадью. При этом речь идет не столько об «объеме» различий, которые мир может в себе содержать, сколько о его способности сохранять структуры, которые переводятся в его пространство и из него. См.: Badiou A. Logics of Worlds. — London: Continuum Press, 2006. — 640 p.

говорить в анализе. Такая мера не только позволяет яснее увидеть, что слушание служит неотъемлемой, конституирующей частью в речи задолго до того, как она будет услышана аналитиком, но и способствует установлению новой формы преемственности между личным анализом и возможным переходом анализанта в позицию аналитика.

3.2. Другой

Прежде чем перейти к последнему пункту и развернуть его в деталях, обратим внимание на второй критически важный концепт лакановской теории — концепт *Другого*. В психоанализе обычно различают, в самом общем виде, три типа «других»: воображаемый Другой, символический Другой и своего рода реальная «инаковость», понимаемая как некая невозможная точка — несводимая форма иного, которая одновременно сопротивляется символизации и в то же время является ее производной¹³.

Однако разграничение фигур другого возможно и иным образом. Можно выделить, во-первых, интересубъективного Другого — другого в качестве говорящего существа, с которым осуществляется коммуникация; во-вторых, симптоматического Другой, то есть отсутствующего собеседника, на которого указывают как на подразумеваемого адресата речи, при этом не совпадающего с каким-либо конкретным лицом; и наконец, на уровне «реального Другого», обнаруживается а невозможность быть понятым — тупик «не-отношений», радикально разрывающий связь между речью и означиванием и открывающий в самой сердцевине речи опыт одиночного наслаждения.

И хотя теория реальной инаковости в речи отсылает нас к фрейдовской идее о том, что психическая функция речи заключается не в коммуникации или символизации, а в предоставлении материальной опоры нашей самости (*ipseity*), сосредоточенность исключительно на моменте говорения мешает дальнейшему продвижению в этом направлении.

Если применить альтернативную перспективу к лакановскому концепту Другого, сместив при этом акцент с говорения на слушание, отпадает необходимость искать закольцованное или сугубо негативное определение тех форм инаковости, которые не находят места в пределах воображаемого и символического регистров. Вместо этого возможно представить *такую инстанцию, которая бы могла обращаться*

¹³ Кьеза Л. Субъективность и инаковость. — СПб.: Музей сновидений Фрейда, 2021. — 356 с.

с вещами вне поля Большого Другого, то есть с тем, что предстает как лишенное смысла, придавая этому открытую слушанию форму.

Речь идет об инаковости, присущей *самому психоаналитическому сообществу*. Это может прозвучать странно, поскольку такое сложно вписать в каноническую лакановскую теорию. Однако в реальной практике лакановского психоанализа, такие примеры хорошо известны. Никто не ожидает прохождения пасса или завершения своего анализа, чтобы беспрепятственно делиться с другими фрагментами аналитического опыта — отдельными эпизодами, моментами или наблюдениями, которые утратили бы форму и смысл вне рамки, задаваемой психоаналитической процедурой.

Это могут быть разговоры о психоанализе в неформальной обстановке, краткие истории, передаваемые в кругу близких, или клинические виньетки, которыми обмениваются аналитики. Конкретная форма здесь не имеет принципиального значения. Важно то, что такие пространства функционируют как особый адресат этих новшеств — как места, в которых поддерживается возможность появления чего-то нового в психике.

В этом смысле речь идет о циркуляции минимально достаточных свидетельств того, что в сексуальности и любви присутствует нечто большее, чем то, что социальное пространство анализа готово признать в качестве существующего¹⁴ — это контур обогащающий область того, что открыто слушанию, в целом указывающий на существование *значимых* различий в том числе в тех областях, в которых при накладывании общей символической сетки мы слышим только лишь *шум*.

3.3. Интерпретация

Предлагаемая перспектива позволяет по-новому рассмотреть и концепт интерпретации. Среди тех, кто работает в лакановском подходе, существует более-менее устоявшийся консенсус относительно различия между «интерпретацией переноса» и «интерпретацией

¹⁴ Данный пункт является принципиально важным для понимания связи между осмыслением любви, практиками сплетен и возникновением психоанализа. Подробное рассмотрение этого вопроса представлено в работе Младена Долара «О слухах, сплетнях и тому подобном» в сборнике под ред. Адриана Джонстона «Объективный вымысел: философия, психоанализ, марксизм», а также к книге Сильвии Федеричи «Ведьмы, охота на ведьм и женщины». Johnston A. Objective Fictions: Philosophy, Psychoanalysis, Marxism. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2022. — 274 p. — ISBN 9781474489348; Federici S. Witches, Witch-Hunting and Women — New York: PM Press, 2018. — 106 p. — ISBN 978-1629635682.

повторения»¹⁵. В первом случае речь идет о предложении интерпретации симптому, разворачивающемся в рамках отношений переноса: такая интерпретация призвана сместить значение, чтобы открыть поле для нового смысла. Во втором случае речь идет об интерпретации, выявляющей нехватку значения или смысла: в рамках такого вмешательства задействуется реальное речи, которое указывает на утраченное или недоступное измерение символического Другого.

Если исходить из представления о главенствующей роли слушания, логика данного различия становится более ясной. Различие между типами интервенций может быть понято через их эффекты: одни вмешательства побуждают анализанта *говорить иначе*, другие — способствуют тому, чтобы он мог *слушать иначе*. К этим двум типам возможно добавить и третий тип, вытекающий из предложенной нами теории реальной инаковости, — вмешательство, которое изменяет саму область того, что открыто слушанию *аналитического сообщества*.

Механизм вмешательства, побуждающего анализанта говорить иначе, достаточно хорошо известен. Вмешательство выявляет двусмысленность в речи анализанта, тем самым вынуждая его перестраивать высказывание с учетом смысловых импликаций, которые ранее оставались незамеченными. Предложение произвести интерпретацию, заставляющую анализанта слушать иначе, вероятно, звучит непривычно, однако оно позволяет точнее понять, что именно стоит за структурной нехваткой смысла в анализе: *когда вмешательство аналитика не производит новое значение, оно производит нового аналитика*, то есть субъекта, способного лучше слушать слова и смысл, который они несут для других.

Тем самым открывается путь к третьему типу вмешательства, затрагивающему уже границы самой аналитической процедуры — то есть к случаям, *когда из частного анализа может родиться интерпретация, адресованная уже самому аналитическому сообществу*; когда что-то состоявшееся в контексте психоанализа ставит под вопрос границы того, что нынешний психоанализ вообще способен расслышать.

3.4. Реальное

Из сказанного следует, что на лакановское понятие Реального тоже можно посмотреть с новой стороны. Ранее, в седьмой главе «Желания

¹⁵ К данной проблематике неоднократно обращался Жак-Ален Миллер, каждый раз по-новому расставляя акценты. Один из его кратких текстов на эту тему: Miller J.-A. Transference, Repetition and the Sexual Real // *Psychoanalytical Notebooks*. — 2011. — No. 22. — p. 11.

психоанализа», мною уже высказывалось предположение о том, что использование структурной лингвистики в качестве основной модели речи — что является вполне разумным решением, если аналитическое означающее определяется скорее через речь, чем через слушание, — влечет за собой специфический тип аргументации, который можно условно обозначить «доказательством от неразличимости».

Вот как он звучит: если из двух вещей каждая радикально инакова по отношению к некой заданной структуре, то внутри этой структуры они не могут быть различены между собой. Ведь если бы такое различие было возможно, то это означало бы, что они недостаточно инаковы по отношению к структуре — поскольку имеются ресурсы для различия. Соответственно, если Реальное является тупиком системы различий, если оно радикально инаково по отношению к ней, то сама эта система различий не сможет ничего различить или выделить внутри такой радикальной инаковости.

Иными словами, получается, что не может существовать двух различных Реальных. Например, именно так Лакан доказывает, что Реальное желаний (материальная причина, сохраняющая нехватку в желании) и Реальное Символического (очерчивающее границы нашего знания о мире) неразличимы между собой — и, следовательно, являются чем-то одним.

Таким образом, данный аргумент позволяет склеить внешнее и внутреннее говорящего существа в одну «неориентируемую поверхность».

Проблема подобного определения Реального заключается в том, что в нем смешиваются два различных уровня: Реальное *отдельно взятого субъекта*, — нечто радикально инаковое для конкретного анализанта, — и Реальное *самого психоанализа*, — нечто, остающееся «иным» для психоанализа в определенный момент его развития. Из «доказательства от неразличимости» следует, что эти две инстанции совпадают.

В свою очередь, такое совпадение еще больше усиливает представление о том, что любой анализ должен завершаться приблизительно одинаковым образом — приходиться в одну и ту же точку, являющуюся одновременно и Реальным анализанта, и Реальным самого психоаналитического мышления. Именно поэтому идею пасса часто осмысляют в терминах *признания тупика (impasse)*, а вместо новых и неожиданных исходов аналитического процесса от участника зачастую ожидается всего лишь выстраивание отношений с тем, что будет новым для него — но не для остального мира, которому об этом «новом» психоанализ рассказывает уже давно.

Нетрудно заметить, что подобная теория Реального почти не оставляет места для истории и исторических трансформаций, поскольку любая конструктивность, извлеченная из момента тупика, будет выглядеть «менее Реальной», чем простое воспроизведение очередной безвыходной ситуации.

Однако с точки зрения теории слушания — связывающей материальность означающего с его слышимой формой — Реальное является не *абсолютным* свойством, а *относительным*. Его можно определить как избыток слышимого по отношению к действительно значимому в сказанном материале. В более технических терминах, Реальное представляет собой такую часть материальной основы означающего, от которой означивание зависит, но которую оно не имеет возможности интегрировать без изменения своей собственной логики.

Для наглядности можно обратиться к примеру из области звука. В классической европейской музыке тембр инструмента одновременно являлся и неотъемлемой частью звучания, и чем-то совершенно неконтролируемым, не поддающимся анализу в рамках музыкального мышления своего времени. Он казался совершенно уникальной чертой, своего рода окраской, придающей различным интерпретациям одного музыкального материала почти неуловимые оттенки, — качеством в самом строгом смысле этого слова. Однако из того, что тембр выступал «тупиком формализации» для определенной музыкальной системы, вовсе не следует, что он не может быть формализован в другой системе — или что его формализация порождала бы желание захватить «полный контроль» над музыкальным опытом. Спектральная школа композиции¹⁶, сформировавшаяся в 1970-ые годы, предложила совершенно новый подход к композиции, в рамках которого даже спектральные свойства звуковых волн, определяющие характерный тембр каждого инструмента, стали предметом анализа и были включены в музыкальную форму как ее значимый элемент..

Иными словами, включение слушания в определение материальности означающего позволяет рассматривать даже тупик *конкретной формализации* означивания как точку возможного поиска *иного формализма* — такого, который способен извлечь новые формы из этого тупика и ввести в оборот нечто важное.

---

¹⁶ Развернутое изложение принципов спектральной композиции и их значения для музыкальной теории см.: Fineberg J. Guide to the basic concepts and techniques of spectral music // Contemporary Music Review. — 2000. — Vol. 19. — Pp. 81–113. — DOI: 10.1080/07494460000640271.

Именно такое альтернативное понимание Реального позволяет нам увидеть, что сама психоаналитическая процедура способна подтолкнуть психоанализ к изменению — *что, в сущности, уже происходит*, — извлекая из возникающих затруднений ресурсы для новых значащих форм. Кроме того, переопределение Реального как относительного, а не абсолютного, также помогает понять, чем могла бы быть интерпретация, вмешивающаяся не на уровне переноса или повторения, а на уровне самого аналитического сообщества, — это вмешательство, которое вводит в оборот нечто такое, что ставит под вопрос пределы самой психоаналитической теории подобно тому, как тембр в определенном историческом моменте одновременно выступал и тупиком, и новой возможностью для музыкальной композиции.

4. Политика в клинике

Предлагаемая перспектива позволяет пересмотреть социальные и политические ставки психоанализа, в первую очередь на уровне клинического пространства¹⁷. Дело в том, что зачастую бывает очень сложно определить, есть ли политическое значение у того, что сказано в переносе. Как и большая часть того, что происходит за границами клинического сеттинга, социальный мир и власть включаются в клинику в статусе, с одной стороны, фактов, означаемых речью, — как определенная ситуация, о которой повествует анализант, — а, с другой стороны, в виде набора означающих, предположительно связанных с неким значением. К ним могут относиться понятия из социальной и политической теории, политические и моральные предписания, крылатые фразы и так далее.

Обычно в этом нет никакой проблемы. Когда человек, например, описывает дорожное происшествие, в котором он оказался, работает та же самая схема: отсутствующие внешние факты и описывающая их серия означающих, которые включаются в речь. И аналитики прекрасно умеют разбираться в этих означающих, прислушиваться к их функциям в сети обозначения, обнаруживать двусмысленности и повторы.

Тем не менее, существует принципиальное различие между дорожным происшествием и, к примеру, рассказом о полицейском насилии. В последнем случае сама случайность ситуации смещена, скрыта и искажена. Расовое профилирование — это не случайное

¹⁷ Эти заметки дополняют мой прошлый текст: Tupinambá G. Politics in the Clinic // e-flux Notes. — 2022. — [Electronic resource]. — URL: <https://www.e-flux.com/notes/481007/politics-in-the-clinic> (дата обращения: 17.09.2025).

происшествие, в отличие от самого существования расизма как такового, властная динамика которого зависит от колониальной основы. Поэтому относиться к ситуации полицейского насилия как к очередному жизненному происшествию — и искать признаки внутренней необходимости и структурных причин в повествовании анализанта, видя в них знаки его «наслаждения» — означало бы еще больше заклонять то, что в данной ситуации является случайным. А именно, историческую случайность структурного расизма, который, представляя себя в виде не связанных между собой происшествий и ситуаций, именно этой смещенной случайностью скрывает действительно контингентную классовую и колониальную борьбу.

Но *откуда* в клинике могут появиться ресурсы, позволяющие различить дорожное происшествие и «случайный полицейский допрос»? Очевидно, что не из самой речи, так как оба факта войдут в клиническое пространство одним и тем же образом — в качестве отсутствующих означаемых и произвольных означающих. Сама *форма* клиники требует отвлечься от различия между этими ситуациями и тем самым потенциально усиливает *социальную аномию*, — в силу чего, между прочим, тезис о том, что сам пациент должен сформулировать это различие, если это действительно важно для его желания, является в буквальном смысле слова «об-сценным» (*ob-scene*).

Возможен и другой вариант — ненадолго приостановить клинический сеттинг, признать различие между двумя ситуациями и, по крайней мере в рамках данного конкретного свидетельства, воспринимать означающие не в отрыве от означаемых, а в качестве средств передачи определенного опыта. Однако проблема этого подхода даже не в том, что он разрушает условия интерпретации и аналитического слушания — опять же, аналитики делают это постоянно, — а в том, что аналитик может принять это смещение за подлинное слушание и понимание.

При этом упускается из виду, что сам политический язык в своей «естественной среде», как и социальные структуры в целом, постоянно сталкивается с невозможностью коммуникации и передачи опыта, с различными шумами и идеологическими искажениями речи; и для того, чтобы услышать политически нагруженное высказывание, слушающий сам должен занять определенную позицию в конфликте, вступить в специфическое отношение с соответствующей социальной структурой и сознательно избегать идеологических ловушек.

Однако ситуация начинает выглядеть совершенно иначе, если исходить из аналитического слушания. Дело в том, что подлинной

системой координат, размечающей случайное и необходимое, изменчивое и неизменное, означивание и повторение, — системой, формирующей фон речи анализанта, — является вовсе не «внешний» мир, который, как отмечал Фрейд, приходит в клинику лишь «заочно» (*in effigie*). Истинный фон, задающий пространство возможной речи в клинической практике, зависит *от психоаналитика*. От его способности слушать — от широты его мира, прежде всего.

Классический пример — изменение позиции Фрейда, начиная с 1905 года, в отношении статуса генитального удовлетворения в процессе достижения половой зрелости. Как только генитальная сексуальная организация перестала выступать естественным исходом сексуального развития — от которого отличались бы другие, перверсивные и деформированные либидинальные организации, — фрейдовское слушание радикальным образом изменилось. Отказ от представления о «беспроblemности» и закономерности мужской гетеросексуальной позиции — якобы прозрачной и лишенной внутренних конфликтов по сравнению с иными сексуальными экономикками — привел к необходимости признать, что любое наделенное полом тело представляет собой сложную сборку фантазий, запретов и нестабильных практик..

Итак, мог бы Фрейд сделать этот вывод, не слушая пациентов? Очевидно, что нет. Однако он не мог и непосредственно вывести его из клинического материала как такового, поскольку сами пациенты не были в состоянии предоставить доказательства подобной гипотезы. Фрейду нужно было *сформулировать эту новую гипотезу* о еще большей вариабельности и случайности человеческой сексуальности, превратить ее в новый фон собственного клинического слушания, и затем наблюдать за последствиями новых интерпретаций и вмешательств, ставших возможными благодаря этой гипотезе. Иными словами, *психоаналитику пришлось расширить свой собственный мир, чтобы услышать новые механизмы в мире другого*.

Аналогичным образом, политические высказывания могут возникать внутри клинического пространства лишь в качестве новой части поля возможных вариаций, оформляющих аналитическое слушание и служащих фоном для выделения значащего и незначащего в речи анализанта. В таком виде не ставят под угрозу всю процедуру. Аналитик же, неспособный различить драку в баре от избиения полицейскими, скудость от бедности, продолжит относиться к этому различию с *безразличием*.

Конечно, такая точка зрения на клиническую политику психоанализа не лишена проблем. Прежде всего потому, что открытие нового измерения вариаций либидинальной истории — это одно, тогда как выдвигание содержательных утверждений о связи определенных социальных процессов с исторической борьбой и конфликтами — совсем другое. Первый тип утверждений сохраняет и расширяет «не-отношение» между аналитиком и анализантом, подчеркивая разнообразие возможных связей между телом и сексуальностью. Второй — потенциально возвращает на сцену нежелательные отношения. Ведь политика — это коллективное предприятие, и само ее существование основано на вере в некоторое единство людей, из которого исходит их сила и возможность совместного действия. Выделить «случайное» событие в жизни пациента и указать, что на самом деле оно является следствием систематического угнетения чернокожих людей или продуктом патриархальных семейных отношений — значит задействовать различие, основанное на некоторой общей почве, на почве общей борьбы, в которую в той или иной мере вовлечены и аналитик, и анализант.

Однако многие аналитики забывают о том, что политика — весьма *антисоциальная* практика. В этом она похожа на влечение к смерти. Точно так же, как и влечения, политическая практика нарушает устоявшиеся процессы производства смысла и границы воображаемых эго. Разница в том, что влечения меняют социальные процессы хаотично, сингулярным образом, в то время как политика осуществляет подобные смещения посредством общих и устойчивых качеств.

Можно сказать, что политика *даже оказывается слишком социальной* по отношению к обыденной социальности. Она отменяет социальные отношения в пользу «бессмысленных» партийных и политических связей. Это обстоятельство принципиально важно, поскольку зачастую аналитики сводят политику к социализации — обмену мнениями, формированию общих взглядов, — в то время как реальная политическая деятельность пронизана противоречиями, проблемами, загадками и уникальными формами недовольства. Привнесение политики в клинику, таким образом, — это не возвращение смысла, но задействование «антисоциального» характера реальной политической практики, необходимое для *продолжения* нашей собственной аналитической работы и слушания в моменты, когда аналитическое вмешательство может снова расширить пространство возможных вариаций, на фоне которых более контрастно слышится то, что говорит анализант.

Там, где говорящий видит объективную закономерность, вполне может обнаружиться сингулярное, и аналитическое вмешательство позволяет анализанту заметить и услышать собственный либидинальный маневр. Если же говорящий, напротив, принимает социальную закономерность за случайное событие, задача аналитика может заключаться в выявлении и распознавании уже действующих социальных структур, чтобы анализант смог услышать свою затронутость процессами иного порядка.

Наконец, предлагаемый подход позволяет нам распознать четвертый тип клинического вмешательства — то, как в описанных ситуациях может возникнуть интерпретация самого аналитического сообщества¹⁸. А именно, в моменты, когда необходимо признать *границы* аналитической сессии и ее неспособность адекватно вместить определенные вопросы и требования. Вместо того, чтобы сводить жалобы анализанта на коллегу-активиста к либидинальной субъективной проблеме, можно — если мы разделяем предпосылку о существовании такой вещи, как политика — своим вмешательством *пере-направить* проблему, предложить анализанту обсудить ее со своим политическим сообществом. Иными словами, можно попытаться *дифференцировать* либидинальное и коллективное в захватившем анализанта недовольстве.

Однако важно отметить, что подобное вмешательство может оставаться *частью аналитического процесса* только тогда, когда мы принимаем новое определение инаковости, исходя из которого само аналитическое сообщество оказывается таким слушающим партнером, который способен услышать новое, но не претендует на способность слышать все.

Все это служит еще одним доказательством принципа, согласно которому невозможно проанализировать в других то, что мы не можем проанализировать в себе. Невозможно включить в пространство возможных вариаций, служащее фоном речи анализанта, такое различие, к которому безразличны сами аналитики. Именно поэтому признание важности коллективной организации, в первую очередь, в рамках собственной профессиональной среды, предоставляет более адекватные инструменты для работы с политическим измерением, возникающим в кабинете. Соответственно, в тех случаях, когда возникает сопротивление, оно должно быть отнесено на сторону аналитика.

¹⁸ Я писал об этом, с особым вниманием к соответствующим теоретическим предпосылкам, в тексте: Tupinambá G. Psychoanalysis for Militants // Sublation Magazine. — 2023. — [Electronic resource]. — URL: <https://www.sublationmag.com/post/psychoanalysis-for-militants> (дата обращения: 17.09.2025).

5. Аналитический эгалитаризм

Если в центре внимания оказывается речь, то пасс обретает характер *репрезентации*. Он свидетельствует о предельной точке процесса авторизации психоаналитической практики — об особом *речевом акте*, который пока что нам недоступен. Неудивительно, что для многих аналитиков и философов психоанализа он выступает своего рода неустранимой фантазией. Неустранимой, так как она — *продукт* самого лакановского психоанализа, обещание особого высказывания, которое меняет все, в том числе цену называния себя аналитиком.

Но пасс сводится к репрезентации и в другом смысле. В конце концов, если пасс — это еще и процедура признания аналитиков Школы, то для большинства из нас рутинной версией этого механизма будет особое говорение. Нам нужно говорить так, чтобы наша речь подтверждала нашу неформальную институциональную принадлежность — *говорить лаканизмами*. Непробиваемый жаргон лакановских психоаналитиков является одним из основных критериев включенности в лакановское поле — он позволяет проводить границу между теми, кто находится «внутри», и теми, кто остается «вне», а также санкционировать допустимость или, напротив, мнимость тех или иных теоретических проблем..

Наконец, если вновь рассмотреть пасс прежде всего как проблему речи, на уровне теории он сводится к указанию на парадокс — к предельному онтологическому тупику, который вновь возвращает нас к вопросу репрезентации. Если Реальное представляется как смутное и сингулярное различие без означающего, то теория конца анализа оказывается завязана на проблеме *представления непредставимого* во всех ее возможных формах: передача непередаваемого, универсальность отклонения от универсальности, позитивность негативного и так далее.

Безусловно, подобные концептуальные конструкции могут иметь определенную ценность в лакановском психоанализе. Однако фокус на речевом аспекте пасса приводит к расщеплению теории: с одной стороны, она редуцируется к набору тривиальных утверждений, воспроизводящих канонические положения, а с другой — любое теоретическое новшество оказывается сведено к простому повторению того же самого непреодолимого парадокса.

Однако с точки зрения клинической практики все выглядит совершенно иначе. Она, как уже было показано, является прежде всего точкой зрения слушания. И здесь пасс отсылает к актуальному моменту. Точнее, к специфическому *эгалитарному* измерению наличной клинической ситуации.

Именно эта перспектива позволяет сформулировать, казалось бы, очевидный тезис: *только по тому, что мы можем услышать, можно судить о масштабе совершенного анализа*. Этот тезис очень прост, и при этом он эгалитарен. И не только потому, что, не отрицая разницы позиций в клиническом пространстве, он касается как аналитика, так и анализанта, но еще и потому, что он позволяет освободить проблему аналитической авторизации от идеи конечной предельной точки.

Разумеется, стадии, препятствия и процедуры становления аналитиком никуда не исчезают, однако у нас появляется возможность определить их в рамках постепенного и множественного процесса, а не оформлять в виде строгого иерархичного институционального механизма — поскольку в центре внимания оказывается соотношение между прогрессом своего анализа и способностью вести другие. Такое соотношение может работать в обе стороны: не только собственный анализ делает нас лучшими аналитиками, но и проблемы ведения чужих анализов могут высветить новые нераскрытые аспекты наших собственных траекторий. Единственная неблагоприятная новость, очевидная в свете реакций лаканистов на современное развитие трансфеминизма¹⁹ и так называемой «политики идентичности», заключается в том, что многим аналитикам, прошедшим классический институциональный пасс, придется снова вернуться на кушетку.

Понимание пасса как эгалитарной формы слушания позволяет по-новому осмыслить принадлежность к лакановскому сообществу. Отсюда вытекает второй тезис, менее интуитивный и более нормативный: *психоаналитическая организация настолько успешна, насколько успешно ей удастся поддерживать конкретные различия*. Иными словами, пасс как операция слушания начинает работать не как подтверждение нашего чувства принадлежности к сообществу, а, наоборот, как повод *поставить это чувство под вопрос*. В этом смысле предлагается отказаться от представления о необходимости «охраны» лакановского сообщества посредством жаргона, канона текстов или устойчивых концептуальных схем. Критерием заинтересованности в Лакане и лакановской практике становится готовность сталкиваться с новым клиническим опытом и контрпримерами, способными поставить под вопрос те пределы субъективной изменчивости, которые ранее воспринимались

¹⁹ 30 ноября 2023 года по решению Верховного суда РФ «Международное общественное движение ЛГБТ» было признано в Российской Федерации экстремистской организацией. Настоящий материал не содержит в себе призыва к участию в деятельности экстремистской организации, не является пропагандой отдельных взглядов, форм поведения, самоидентификации. Здесь и далее. — *Прим. редакции.*

как самоочевидные. В конечном счете именно эти пределы и служат показателем аналитической честности.

Примечательно, насколько подобный подход *далек от* простого заимствования жаргона и терминологии, от организации сравнительных семинаров по Лакану и радикальным чернокожим авторам, от интерпретации социальных болезней «современности» с помощью лакановских концептов. Ничто из этого не заставляет нас засомневаться в своем профессионализме. Напротив, такие сомнения можно вызвать только перестройкой аналитических школ, меняя не *содержание* того, что говорится, но скорее меняя значение самого *факта* говорения — что, очевидно, произошло бы, если бы, например, трансгендерные аналитики присутствовали при обсуждении клинических случаев трансперсон.

Означает ли это, что *только* трансгендерные аналитики могут слушать трансгендерных анализантов? Разумеется, нет. Однако только находясь под искусственной маской наивности, можно не заметить, что более разнообразный социальный состав лакановских школ позволил бы значительно развить наше клиническое слушание.

Третье смещение перспективы, которое становится возможным благодаря этой новой идее пасса, затрагивает историчность психоанализа и самой аналитической процедуры. Речь о развитии тезиса об аналитическом сообществе как особом типе инаковости, не сводимом ни к воображаемому, ни к символическому другому. В этом контексте становится возможным утверждать, что *момент, в котором субъект обретает способность говорить в отсутствие слушающего, не является концом психоанализа*. Напротив, *психоанализ продолжается, переходя в задачу коллективного создания уха, способного услышать*. Иными словами, способность говорить без слушающего не исчерпывает возможностей психоанализа, потому что *по ту сторону* этой способности — и отчасти опираясь на нее — находится не менее сложная миссия, также требующая от субъекта определенных жертв — коллективная задача по созданию социального механизма, способного придать транслируемую форму чему-то, что в настоящий момент еще не может быть услышано.

6. Что делать?

В начале аннотации, отличающейся преднамеренной широтой замысла и пока еще недостаточной понятийной проработанностью, были сформулированы три тезиса, задающие направление браزيلскому коллективному проекту, к которому принадлежит автор.

В заключение целесообразно вернуться к этому исходному движению и соотнести предложенные положения с конкретными условиями современного психоанализа.

Представляется продуктивным разделить кратко-, средне- и долгосрочные цели нового лакановского движения.

В краткосрочной перспективе первоочередной задачей становится формирование более эффективных способов *находить друга друга* — в обход и по ту сторону фасада лаканизмов, остающихся господствующей частью сообщества. Очень многие обучающиеся аналитики сталкиваются с одними и теми же вопросами и проблемами, но не могут или не знают как говорить о них публично — либо потому, что это ставит под угрозу их и без того хрупкое экономическое положение (учитывая зависимость от направлений пациентов внутри профессиональной среды), либо в силу огромной тревоги, с которой сопряжены подобные критические высказывания, а может быть даже из-за разочарования в дебатах, разгорающихся вокруг этих проблем, так как они почти всегда оказываются бесплодными.

В этой связи ближайшей задачей является поиск форм консолидации усилий и идей, позволяющих снизить индивидуальные риски участия в подобных обсуждениях и прежде всего, *сместить экономику тревоги*, чтобы ее начинали испытывать как раз те, кто систематически уклоняется от подобных дискуссий.

В среднесрочной перспективе ключевой задачей становится организационное оформление и целенаправленная трансформация лакановского сообщества. Это предполагает, в частности, открытое признание психоанализа как формы труда — то есть оплачиваемой деятельности, посредством которой аналитики обеспечивают свое существование. Без учета политической экономии психоаналитической практики экономические ограничения неизбежно продолжают влиять на теоретические и политические дебаты, играя на руку авторитетным аналитикам, — ведь они обладают властью изгонять начинающих аналитиков и уменьшать их поток клиентов. Однако еще более существенным следствием такого положения является невозможность расширения социального состава аналитического сообщества, которое в его нынешнем виде фактически ограничено теми немногими, кто обладает ресурсами, позволяющими пройти длительный и экономически затратный путь становления аналитиком.

Итак, в отличие от краткосрочных целей, касающихся установления связей между отдельными аналитиками, этот второй уровень нацелен прежде всего на институции — на частные и общественные

центры психоанализа, на независимые сообщества, на законодательных субъектов, — которые рассматриваются в качестве инструментов переосмысления и перераспределения экономического давления, задающего условия аналитической практики.

Напомним, что ни одна из этих политических целей не является для психоанализа чем-то внешним. Да, они отсылают к организации психоаналитиков как особой профессиональной группы, и в этом отношении психоанализ мог бы извлечь немало уроков из опыта других коллективных и профессиональных движений. Однако изменения, к которым они ведут, являются исключительно аналитическими, так как они касаются способности слушать и преобразовывать границу между значащим и незначащим в речи анализанта. Скорее всего, без подобного политического проекта лакановский психоанализ просто деградирует и превратится в элитный кружок герменевтики, не имеющий ничего общего с бесценным опытом масштабных субъективных преобразований, который исторически составлял его подлинную ценность.

Наконец, говоря о долгосрочных целях, встает вопрос о необходимости переосмысления самого понятия аналитического сообщества и принципов его формирования, чтобы включить в него все составные элементы схемы, соединяющей сингулярные анализы с процессом обобщения нашего совместного понимания всех аспектов вариативности либидинального мира субъекта. Это может привести к созданию новых типов аналитических организаций и к новым экспериментам — быть может, новыми и неожиданными способам совмещения политической и аналитической работы. Или же, например, к включению клинического психоанализа в более широкий процесс, в котором он будет всего лишь небольшой частью — например, специфическим сеттингом под переносом, позволяющим воздействовать на определенные образования бессознательного, но далеко не на все.

В перспективе можно вообразить такое будущее, в котором психоанализ окажется растворенным и заново собранным в иной социальной конфигурации: часть его станет основанием для новых научных теорий бессознательного, что-то окажется всего лишь частным случаем коммунистической политической практики, применимой в малых масштабах, а оставшаяся часть, ядро его опыта, возможно, трансформировалась бы в повседневную форму отношений между близкими людьми — в нечто сопоставимое с любовью или дружбой.

Библиография

1. Тупинамба Г. Желание психоанализа. Опыты лакановского мышления. — М.: Рипол-классик, 2023. — 448 с. — ISBN 978-5-386-14999-4.
2. Lacan J. *Autres Écrits*. — Paris: Éditions du Seuil, 2001. — 245 p. — ISBN 978-2020486477.
3. Yao D., Ravón-Cuellar D. Tomšič S. *Philosophy and Psychoanalytic Thinking II* [видеозапись] / *Emancipations with Daniel Tutt*. — URL: www.youtube.com/live/hL995uVNSlw (дата обращения: 17.09.2025).
4. Bruno P. *La Passe*. — Toulouse: Presses Universitaires du Mirail, 2003. — 214 p.
5. *La passe* // World Association of Psychoanalysis [Web]. — URL: https://www.wapol.org/fr/las_escuelas/Template.asp?Archivo=el_pase.html (дата обращения: 19.12.2025).
6. CIG. *Règlement intérieur*. — 2023. — PDF document. — [Electronic resource]. — URL: <https://www.champlacanien.net/public/docu/1/CIG-ReglementInterieur-2023.03.pdf> (дата обращения: 19.12.2025).
7. de Araujo A. M. C. *A ética do desejo: estudo etnográfico da formação de psicanalistas em escolas lacanianas de psicanálise*. — Florianópolis: Universidade Federal de Santa Catarina, 2015. — Doctorate thesis. — [Electronic resource]. — URL: <https://repositorio.ufscar.br/bitstream/handle/ufscar/7054/TeseMCAA.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 17.09.2025).
8. Фрейд З. *Проект научной психологии* // Фрейд З. *Психология бессознательного*. — М.: Просвещение, 1990. — 448 с. — ISBN 5090037876.
9. Badiou A. *Logics of Worlds*. — London: Continuum Press, 2006. — 640 p.
10. Кьеза Л. *Субъективность и инаковость*. — СПб.: Музей сновидений Фрейда, 2021. — 356 с.
11. Johnston A. *Objective Fictions: Philosophy, Psychoanalysis, Marxism*. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2022. — 274 p. — ISBN 9781474489348.
12. Federici S. *Witches, Witch-Hunting and Women* — New York: PM Press, 2018. — 106 p. — ISBN 978-1629635682.
13. Miller J.-A. *Transference, Repetition and the Sexual Real* // *Psychoanalytical Notebooks*. — 2011. — No. 22. — p. 11.
14. Fineberg J. *Guide to the basic concepts and techniques of spectral music* // *Contemporary Music Review*. — 2000. — Vol. 19. — Pp. 81–113. — DOI: 10.1080/07494460000640271.
15. Tupinambá G. *Politics in the Clinic* // *e-flux Notes*. — 2022. —

[Electronic resource]. — URL: <https://www.e-flux.com/notes/481007/politics-in-the-clinic> (дата обращения: 17.09.2025).

16. Tupinambá G. Psychoanalysis for Militants // Sublation Magazine. — 2023. — [Electronic resource]. — URL: <https://www.sublationmag.com/post/psychoanalysis-for-militants> (дата обращения: 17.09.2025).

The Pass of Psychoanalysis: From the End of Analysis to New Analytic Forms

Gabriel Tupinambá — PhD, psychoanalyst and philosopher, Coordinator of the research group Subset of Theoretical Practice, Head of Social Strategy, Alameda Institute; Rio-de-Janeiro, Federative Republic of Brazil. E-mail: gabrieltupinamba@mac.com

ORCID: 0000-0003-3891-5655

Translated from English by Vladislav Rostilov and Pavel Odintsov

Keywords: Lacanian psychoanalysis, theory of the pass, end of analysis, analytic listening, analytic egalitarianism

The article proposes a new approach to conceptualizing Lacan's theory of the pass as a mechanism that links the end of individual analysis, the training of analysts, and the transformation of analytic institutions. It formulates three key theses according to which the political dimension of psychoanalysis is determined primarily by the regimes of training and the reproduction of analytic practice rather than only by conditions of access to analysis, and shows that changes in the social composition of analytic schools have direct epistemological consequences for the theory itself. Drawing on contemporary clinical initiatives and theoretical debates, the article rethinks classical Lacanian categories (the signifier, the Other, interpretation, the Real) from the standpoint of analytic listening and introduces the notion of «analytic egalitarianism», which underscores the decisive role of the distribution of the capacity to listen within the clinical space. The pass is treated not as a final act of analyst authorization but as a specific form of analysis that links singular analytic trajectories to the collective task of restructuring the analytic community. The article concludes by arguing for a political project aimed at institutional change within the Lacanian field and at the creation of new analytic forms.

References

1. Tupinambá G. Zhelanie psikhoanaliza: Opyty lakanovskogo myshleniia [The Desire of Psychoanalysis: Experiments in Lacanian Thinking]. — Moscow: Ripol-Classic, 2023. — 448 p. — ISBN 978-5-386-14999-4. (In Russian)
2. Lacan J. Autres Écrits. — Paris: Éditions du Seuil, 2001. — 245 p. — ISBN 978-2-02048-647-7. (In French)
3. Yao D., Pavón-Cuéllar D., Tomšič S. Philosophy and Psychoanalytic Thinking II [Video recording] // Emancipations with Daniel Tutt. — URL: <https://www.youtube.com/live/hL995uVNSlw> (accessed: 17 September 2025).
4. Bruno P. La passe. — Toulouse: Presses Universitaires du Mirail, 2003. — 214 p. (In French)
5. La passe // World Association of Psychoanalysis [Web]. — URL: https://www.wapol.org/fr/las_escuelas/Template.asp?Archivo=el_pase.html (accessed: 19 December 2025). (In French)
6. CIG. Règlement intérieur. — 2023. — PDF document [Electronic resource]. — URL: <https://www.champlacanian.net/public/docu/1/CIG-ReglementInterieur-2023.03.pdf> (accessed: 19 December 2025). (In French)
7. de Araujo A. M. C. A ética do desejo: estudo etnográfico da formação de psicanalistas em escolas lacanianas de psicanálise. — Florianópolis: Universidade Federal de Santa Catarina, 2015. — Doctoral thesis [Electronic resource]. — URL: <https://repositorio.ufscar.br/bitstream/handle/ufscar/7054/TeseMCAA.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed: 17 September 2025). (In Portuguese)
8. Freud S. Proekt nauchnoi psikhologii [Project for a Scientific Psychology] // Psikhologiiia bessoznatel'nogo [Psychology of the Unconscious]. — Moscow: Prosveshchenie, 1990. — 448 p. — ISBN 5090037876. (In Russian)
9. Badiou A. Logics of Worlds. — London: Continuum, 2006. — 640 p.
10. Chiesa L. Sub"ektivnost' i inakovost' [Subjectivity and Otherness]. — Saint Petersburg: Freud Dream Museum, 2021. — 356 p. (In Russian)
11. Johnston A. Objective Fictions: Philosophy, Psychoanalysis, Marxism. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2022. — 274 p. — ISBN 9781474489348.
12. Federici S. Witches, Witch-Hunting and Women — New York: PM Press, 2018. — 106 p. — ISBN 978-1629635682.
13. Miller J.-A. Transference, Repetition and the Sexual Real //

Psychoanalytical Notebooks. — 2011. — No. 22. — p. 11.

14. Fineberg J. Guide to the basic concepts and techniques of spectral music // *Contemporary Music Review*. — 2000. — Vol. 19. — Pp. 81–113. — DOI: 10.1080/07494460000640271.

15. Tupinambá G. Politics in the Clinic // *e-flux Notes*. — 2022 [Electronic resource]. — URL: <https://www.e-flux.com/notes/481007/politics-in-the-clinic> (accessed: 17 September 2025).

16. Tupinambá G. Psychoanalysis for Militants // *Sublation Magazine*. — 2023 [Electronic resource]. — URL: <https://www.sublationmag.com/post/psychoanalysis-for-militants> (accessed: 17 September 2025).